

Легенды и сказки Крыма

Сказки крымских татар: О блудливом кадии

Во времена Менгли–Гирей–хана жил в Бахчисарае один кадий. Был кадий–эфенди уже стар и дрябл, сморщенным было его тело, и тряслись руки, но он не давал проходу бахчисарайским красавицам своими ухаживаниями. А у соседа его, как назло, была молодая жена. Вот и прельстился кадий своей соседкой, прекрасной Эминэ. Каждый день, возвращаясь из мечети, проходил он мимо ворот Эминэ и не упускал случая сделать ей какое–нибудь соблазняющее предложение.

— О, джаным, — говорил он ей, и голос его звучал слаще шербета, — твои глаза подобны двум звездам, и взгляд твой обжигает мое тело. Отчего ты не позовешь меня к себе, когда муж твой уезжает из дому?

— Вот что, дорогая Эминэ, — сказал он, — когда этот пакостник начнет искушать тебя, ты не отвергай его предложений, но ответь улыбкой и пообещай быть более ласковой. А когда я уеду, пригласи его к себе и по мюль заигрывать с тобой, пока дело не дойдет до греха. В эту минуту я постучу в дверь, а ты, как будто испугавшись моего неожиданного возвращения, поспеши спрятать искусителя в сундук. Я войду, и уж мы придумаем, как получше осрамить нечестивца. На этом и сговорились. На следующий же день, проходя мимо сакли прекрасной Эминэ, хранитель корана начал, как обычно, свои восхваления. Каково же было его торжество, когда он увидел, что красавица не только не возмущается, но, напротив, отвечает ему кокетливой улыбкой. В это время муж Эминэ, подслушивающий из–за сарая, крикнул жене, чтобы она приготовила ему лепешек, так как он уезжает в степь и вернется никак не раньше, чем через пять дней.

— Сегодня вечером, — шепнула Эминэ кадию и побежала, как будто снаряжать мужа. Обнадеженный кадий, собственными ушами слышавший о приглашении и об отъезде мужа, не мог от нетерпения дожидаться вечера. Как только окончился вечерний намаз, он тотчас же под покровом темноты направился к соседке. Эминэ встретила его у калитки и с ободряющей улыбкой повела в саклю. Едва вошли они в комнату, как сластолюбец бросился на молодую женщину и стал ее обнимать. Лукавая Эминэ кокетливо сопротивлялась. Это еще более разожгло страсть благочестивого эфенди, и он стал еще более настойчивым.

В эту самую минуту, как было условленно, раздался громкий стук в дверь. Кадий обомлел от ужаса. Стук возобновился с новой силой. Эминэ схватилась за голову и заметалась по комнате.

— О, Аллах милосердный! Это он! Какой позор! Какой стыд! Он застанет чужого мужчину в своем доме! Он убьет нас обоих! Мы погибли! От этих слов кадий перепугался еще больше, из него, как поленом вышибло последние остатки страсти. Он принялся бегать за своей возлюбленной, прося дрожащим голосом спрятать его куда–нибудь подальше. Этого только и нужно было хитрой женщине. Она тотчас же распахнула сундук, втолкнула туда трясущегося эфенди и, захлопнув крышку, заперла его на замок. Потом впустила мужа и с веселой улыбкой подмигнула ему.

Вдоволь посмеявшись между собой, довольные супруги постелили на сундуке постель и легли спать, предоставив кадию слушать, что над ним происходит. Три дня и три ночи сидел бедный кадий в своем убежище без пищи и воды, пачкая под себя и задыхаясь от зловония. Но считая, что хозяин ничего не подозревает, он терпел и не издавал ни одного звука, хотя и мучился от голода и неудобства. На третий день хозяин заметил под сундуком странную сырость и, как будто не понимая, в чем дело, спросил у жены:

— Что это там у нас в сундуке, дорогая Эминэ?

— О, возлюбленный муж мой, — ответила Эминэ, так чтобы услышал кадий, — это напачкали, вероятно, крысы, которых у нас много развелось за последнее время. Никак не соберусь достать кота, чтобы вывести их, окаянных!

Кадий, слушавший разговор с замиранием сердца, при этих словах успокоился и мысленно поблагодарил Аллаха за мудрость и верность своей возлюбленной. Однако хозяин, немного помолчав, сказал:

— Знаешь что, Эминэ, я боюсь, как бы эти проклятые крысы не испортили моего сундука совсем. Отнесу–ка я его завтра на базар да продам, пока он еще цел.

Как только услышал кадий эти слова, с ним сделался такой приступ страха, что лужа под сундуком немедленно увеличилась. До эфенди доносились громкие голоса спорящих, и он трепетал от злых предчувствий. Когда звенел голос Эминэ, он успокаивался, ибо хитрая женщина нарочно громко упрашивала мужа не продавать ее сундука. Когда же раздавался голос хозяина, эфенди мертвел от ужаса, ибо тот настаивал на продаже. Наконец хозяин заявил, что завтра он отправит сундук на базар.

Очень плохие сны снились кадию в эту несчастливую для него ночь. Ему казалось, что иблис хватает его за брюхо своими страшными когтями, а джинны тешатся над ним, кусая его за пятки. На другое утро хозяин погрузил сундук с запертым в нем кадием на арбу и повез на базар. В этот день на базаре толпился весь Бахчисарай, потому что как раз был курбан–байрам. Ходили по базару и три сына кадия, которые тщетно разыскивали своего пропавшего отца. Увидев толпу, собравшуюся вокруг сундука, они протолкались поближе и полюбопытствовали:

— Эй, кероглан, что это за сокровище ты продаешь?

— Покупайте, покупайте! — ответил хозяин, — по дешевке продаю: три тысячи золотых всего–навсего. Не сундук дорог, а то, что в сундуке. Тот, кто купит эту вещь, навсегда избавится от лихорадки, от трясучки, от поноса, от запора и от сладостного взгляда женщины, как бы ни был он обворожителен!

Трудно рассказать, что почувствовал бедный кадий, когда услышал над собой голоса своих сыновей, торгующихся над проклятым сундуком. А достойные дети уже развязывали кисеты и отсчитывали продавцу наличные, радуясь приобретению чудодейственного талисмана. С благоговением подошли они к сундуку и, восхваляя Аллаха, принялись действовать ключом. Почти весь базар сбежался смотреть, какой талисман купили сыновья кадия. Подошла к сундуку и лукавая Эминэ.

Только что начали подымать крышку, как из сундука послышалось страшное рычание и ударила вонь. Все собравшиеся в великом ужасе бросились бежать, сыновья кадия впереди всех. За ними послышался из сундука пронзительный голос их отца: — Эй, сыновья мои, не бойтесь, вернитесь, талисман этого сундука в моих руках!

С опаской и предосторожностями сыновья снова приблизились к сундуку, а за ними придвинулся и весь народ. С ужасом увидели сыновья представившееся им зрелище. В сундуке сидел, дико озираясь на толпу, сам кадий–эфенди, скрученный в три погибели, без следа былого кругленького животика, весь в лохмотьях, грязный, мокрый, вонючий. Сыновья были в крайнем смущении. А народ кругом разразился оглушительным смехом, прокатившимся, как буря, по всему Бахчисараю.

Громче всех смеялась Эминэ.